Марина ВИТУХНОВСКАЯ-КАУППАЛА

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ:

Память о гражданской войне в Финляндии

Гражданская война в Финляндии, продолжавшаяся с 27 января по 15 мая 1918 года, стала одной из самых глубоких исторических травм финского народа. Этот гражданский конфликт, разделивший страну на две части и не изжитый до этого времени, является одним из краеугольных камней финской исторической памяти. Историк Хейкки Юликангас называет гражданскую войну «самым значительным и важным по своим последствиям событием за последнее столетие финской истории»¹.

В 2008–2011 годах проводилось социологическое исследование «Историческое сознание в Финляндии». В ходе его представители разных поколений страны опрашивались и интервьюировались (использовались как качественный, так и количественный методы) о том, как они относятся к различным событиям финской истории и достижениям финской государственности. В частности, в списке из 21 позиции каждому предлагалось выделить пять важнейших. Про итогом на первом месте оказалось набравшее 75,5 % достижение — «обязательное и бесплатное образование», на втором — «зимняя война» (54,4 %), на третьем — полученное в 1906 году всеобщее избирательное право для мужчин и женщин (51,3 %), на четвертом — государство всеобщего благосостояния (41,1 %), на пятом — «война-продолжение»² (39,2 %), на шестом — членство в Европейском союзе (30,9 %), на седьмом — «особые связи с СССР после Второй мировой войны» (24,7 %) и на восьмом — война 1918 года (23,6 %) ³. Как видим, гражданская война и поныне занимает значимое место в исторической памяти финнов.

Юбилейный 2018 год был заполнен множеством мероприятий и сопровождался сотнями публикаций, посвященных событиям столетней давности. Проходили круглые столы, открытые семинары и конференции, выходили новые книги, финские издания были переполнены статьями как о событиях 1918 года, так и о современной памяти войны. Многие музеи отметились экспозициями на тему о войне. В театрах разных городов прошли на эту тему спектакли, а по телевизору были показаны десятки передач.

Марина Александровна Витухновская-Кауппала — доцент Хельсинкского университета и доктор философии. Живет в Финляндии более 30 лет. Опубликовала несколько книг и более сотни статей. Читает лекции на русском и финском языках.

¹ Heikki Ylikangas. Suomen historian solmukohdat. Helsinki: WSOY, 2007. S. 211.

² «Войной-продолжением» в Финляндии называется военное противостояние с СССР в 1941–1944 годах.

³ Pilvi Torsti. Suomalaiset ja historia. Helsinki, Gaudeamus, 2012. S. 100.

В стране продолжалась сопровождающая столетний юбилей войны бурная общественная дискуссия, которая показывает, что страсти отнюдь не улеглись. Журналист Соила Оянен отмечает: «Финская междоусобная война — по-прежнему болезненная тема, и нам не удалось даже за сто лет залечить все ее травмы»⁴. Когда президент Финляндии Саули Ниинисте 4 апреля 2018 года выступал в университете города Тампере с лекцией, посвященной гражданской войне и называвшейся «От войны к согласию», ему задали вопрос: не пора ли начать говорить о великом национальном примирении? Президент ответил: раньше или позже это произойдет, и события гражданской войны станут историей. Однако это требует времени и смены многих поколений. Президент определенно дал понять: примирение пока не достигнуто⁵.

Напомним смысл и основные вехи этого ожесточенного гражданского конфликта, который до сего дня будоражит финское общество⁶. К концу 1917 года финское население было расколото: с одной стороны действовала социал-демократическая партия, выражавшая интересы рабочего движения, но не всегда с ним совпадавшая, с другой — несоциалистические политические движения. Союзником социал-демократов была сельская беднота. К началу 1918 года у левых уже были свои вооруженные силы — отряды Красной гвардии, которые чаще всего были радикальнее социал-демократических политиков. Правые начинали создавать отряды самообороны — шюцкоры. Противостояние усугублялось тем, что в парламенте политический расклад резко менялся: до июля 1917 года более года парламентским большинством были социал-демократы, но после разгона парламента (сейма) Временным правительством (манифест об этом был подписан 31 июля 1917 года) большинство мест в его новом составе в октябре 1917 года получил блок несоциалистических партий: старофинская (партия согласия), младофинская (конституционная), аграрный союз и шведская партия. Соответственно эти же партии получили ключевые позиции в правительстве (сенате).

Октябрьская революция дала толчок к эмансипации национальных регионов Российской империи, и одной из первых в этом ряду оказалась Финляндия. К октябрю 1917 года Великое княжество уже добилось почти всех тех особых прав, за которые оно так упорно сражалось после падения монархии⁷. Оставалось лишь отрезать пуповину, соединявшую Финляндию с империей, и это произошло 6 декабря 1917 года, когда финский парламент принял резолюцию о независимости. 31 декабря Декрет о признании независимости Финляндии был утвержден на заседании Совнаркома и подписан Лениным, а 4 января ВЦИК ратифицировал постановление Совнаркома. Вслед за этим независимость Финляндии незамедлительно признали еще семь стран, в их числе Швеция, Германия и Франция.

⁴ Soila Ojanen. Millä sanoilla puhut sisällissodasta? Selkokirjailija tulkaa sodan kaksitoista perustermiä. 26.1.2018. — <https://yle.fi/uutiset/3-10040415>.

⁵ Видеозапись события: <https://www.youtube.com/watch?v=w2n40jaI-WY>. Информация о событии: см. например <https://www.aamulehti.fi/uutiset/niinisto-kertoi-tampereen-vierailulla-perheensa-kokemuksista-sisallissodassa-niiniston-aiti-oli-joutua-todistamaan-tragediaa-vasta-2-vuotiaana-200856411/>.

⁶ О гражданской войне в Финляндии см., например: Upton, Anthony Frederick. The Finnish revolution 1917–1918. Minneapolis: University of Minnesota Press 1980; Alapuro, Risto. State and Revolution in Finland, Berkeley: University of California Press, 1988; Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujätkäläinen. Helsinki, WSOY, 2009; Pertti Haapala, Marko Tikka. Revolution, Civil War, and Terror in Finland in 1918. — Gerwarth Robert, Horne John (toim.). War in Peace. Paramilitary Violence in Europe after the Great War. Oxford: Oxford UP, 2012. P. 72–84.

⁷ См.: М. Витухновская-Кауппала М. Финский вопрос в Государственной Думе и Временном правительстве, 1914–1917 гг. От большой «программы русификации» до проектов полного самоуправления. — В сб. Первая мировая война и Государственная Дума. Материалы Международной научной конференции. Казань, 17–18 октября 2014 года. Сост. и отв. ред. Р. А. Циунчук. М., Издание Государственной Думы, 2015. С. 59–67.

После обретения Финляндией независимости, в начале 1918 года социально-политический конфликт в стране продолжал стремительно нарастать. Одним из важнейших факторов стала угроза голода: в стране остро стояла продовольственная проблема, особенно ощутимой была нехватка зерна. Росла безработица, связанная частично с тем, что после Февральской революции Россия оказалась не способна финансово поддерживать военные заказы для финской промышленности. Кроме того, тысячи финских рабочих были вынуждены вернуться из России домой⁸. В стране проходили митинги и забастовки, основным требованием которых был восьмичасовой рабочий день; политическая ситуация становилась взрывоопасной. В начале 1918 года в разных частях страны начались прямые столкновения с человеческими жертвами⁹.

Окончательным толчком к гражданской войне послужила попытка правительства (сената) навести в стране «строгий порядок». В распоряжении сената не было национальной армии, и главной проблемой для обеих противостоявших сторон являлось создание собственных вооруженных сил, возглавляемых профессиональными военными. Назначенный главнокомандующим шюцкором генерал Густав Маннергейм, незадолго до этого демобилизовавшийся из российской армии, отправился в г. Вааса, куда перебралось из беспокойного Хельсинки и правительство. 25 января шюцкор был объявлен правительственными войсками, а 27 января Исполнительный комитет финляндских рабочих создал революционное правительство и объявил о начале восстания. 28 января весь Гельсингфорс (Хельсинки) был в руках Красной гвардии. Совет народных уполномоченных Финляндии (Suomen kansanvaltuuskunta) объявил себя революционным правительством страны и принял декларацию «К рабочим и гражданам Финляндии!». Началось вооруженное противостояние. Историк Пертти Хаапала отмечает: «...неясно, кто в январе 1918 года начал стрелять первым. Но этот вопрос также и не нужен, поскольку каждая из сторон хотела стрелять»¹⁰.

Страна оказалась перерезана линией фронта с запада на восток — от Пори до Выборга. Более густонаселенный, промышленный юг находился в руках красных, во много раз бóльшая по площади северная часть страны была под белыми. Общее число противостоявших военных сил было приблизительно одинаковым. Боевые силы красных насчитывали по максимуму девяносто тысяч бойцов (мужчин и женщин), однако это число постоянно колебалось, так как часть гвардейцев воевала лишь непродолжительное время. Предполагается, что одновременно под ружьем в рядах красных было до восьмидесяти тысяч человек. Численность войск сената составляла от восьмидесяти до девяноста тысяч бойцов¹¹. 25 февраля в Ваасу прибыло подкрепление, состоявшее из тысячи двухсот егерей — финнов, обучавшихся в годы Первой мировой войны в немецкой армии и воевавших на ее стороне¹². Роль егерей в победе белых была весьма значительной (Хейкки Юликангас считает ее даже определяющей)¹³, так как, в отличие от необученных бойцов Белой армии, состоявшей из добровольцев, по пре-

⁸ Pertti Haapala. Vuoden 1917 kriisi. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki, WSOY, 2009. S. 85; Ibid. The Expected and Non-expected Roots of Chaos: Preconditions of the Finnish Civil War. — The Finnish Civil War 1918: history, memory, legacy. P. 21–50.

⁹ Tuomas Hoppu. Sisällissodan puhkeaminen. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 95.

¹⁰ Pertti Haapala. Monta totuutta. — Tampere 1918. Red: Tuomas Hoppu ja julkaisutyöryhmä. [Tampere]: Vapriikki, 2008. S. 291.

¹¹ Tuomas Hoppu. Taistelevat osapuolet ja johtajat. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 129, 137–138.

¹² Lauerma, Matti: Jääkärien tie. Toim. Markku Onttonen ja Hilikka Vitikka. Helsinki: WSOY, 1984; Onttonen, Markku (toim.): Jääkärikirja. Helsinki: Ajatus Kirjat, 2002.

¹³ Heikki Ylikangas. Suomen historian solmukohdat. S. 217.

имуществу крестьян, егеря получили военную выучку и боевой опыт¹⁴. На стороне белых участвовали в войне и шведские добровольцы (в разное время их численность была различной, достигая максимально тысячи ста человек), в штабной работе большую помощь оказывали шведские офицеры¹⁵.

Гражданские войны, как правило, не обходятся без внешнего участия, и Финляндия не была в этом смысле исключением. Три страны в наибольшей степени были вовлечены в конфликт: большевистская Россия, кайзеровская Германия и, как мы уже показали, Швеция. В научной и общественной дискуссии Финляндии до сих пор не затихают споры о степени влияния на исход войны как большевистских, так и немецких сил. Наиболее дискуссионным вопросом является степень вовлеченности в финские события большевистской власти. Приведем несколько фактов и соображений о российском участии в войне, предлагаемых финскими учеными.

На всем протяжении Первой мировой войны в Финляндии дислоцировались русские войска; к середине января 1918 года численность солдат и матросов составляла приблизительно 42 500 человек¹⁶. Это была часть воинской группировки, в задачу которой входило предотвращение немецкого прорыва к Петрограду. Русские воинские части, располагавшиеся в регионах, контролировавшихся белыми, были незамедлительно разоружены отрядами шюцкора (разоружение началось еще до начала открытого противостояния — 23 января 1918 года). В ходе этой в целом мирно проходившей операции произошло несколько эксцессов, повлекших человеческие жертвы со стороны русских¹⁷. Было разоружено и взято в плен в общей сложности около восьми тысяч¹⁸ (по другим сведениям, семь тысяч пятьсот¹⁹) русских солдат при содействии русских офицеров, сочувствовавших белым. Все полученное оружие (около 14 600 винтовок, 91 пулемет и 43 пушки) было включено в арсеналы белых²⁰. Часть русских офицеров, как свидетельствует Ларс Вестерлунд, впоследствии получала жалованье от местных властей²¹.

Однако в южной части Финляндии, находившейся под властью красных, часть российских военных сражалась на их стороне. Особенно востребованными были военные специалисты в области артиллерии, которые получали за службу хорошую оплату²². Тем не менее, как показывают исследования, участие российских военных в финских событиях не было значительным: в массе своей солдаты не стремились воевать, были деморализованы и готовились как можно скорее вернуться домой. Максимальное число русских в рядах красных составляло одновременно 3700 — 3800 человек; после заключения Брестского мира русские солдаты начали покидать Финляндию. К концу марта число русских добровольцев на фронтах гражданской войны составляло около двух тысяч бойцов²³. Подсчитано приблизительное число русских, как военных, так

¹⁴ Суждение о важной роли егерей в победе белых высказывают многие финские историки. См., например, интервью Лассе Лааксонена: «Егеря сыграли решающую роль в междоусобной войне — и играли важную роль в мирное время» (Dosentti: Jääkärit ratkaisivat sisällissodan — tärkeä rooli rauhan aikana — <https://www.mtvuutiset.fi/artikkeli/dosentti-jaakarit-ratkaisivat-sisallissodan-tarkea-rooli-rauhan-aikana/4817024>).

¹⁵ Tuomas Hoppu. Taistelevat osapuolet ja johtajat. S. 130.

¹⁶ Aatos Tanskanen. Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, Tampereen yliopisto, 1978. S. 21.

¹⁷ Venäläissurmat Suomessa vuosina 1914–22. Osa 2.1. Helsinki, Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. S. 45–175.

¹⁸ Aatos Tanskanen. S. 21.

¹⁹ Heikki Ylikangas. Suomen historian solmukohdat. S. 213.

²⁰ Aatos Tanskanen. S. 27.

²¹ Venäläissurmat Suomessa vuosina 1914–22. Osa 2.1. S. 71–73.

²² Tuomas Hoppu. Taistelevat osapuolet ja johtajat. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 121.

²³ Aatos Tanskanen. S. 205–207.

и гражданских, погибших в финской гражданской войне с обеих сторон: цифра варьируется от 2300 до 2700 человек²⁴. Известно, что ожесточение против русских было особенно сильным, и нередко их убивали даже после сдачи в плен. Жертвами этого ожесточения становилось и гражданское русское население. Так, во время взятия Выборга белыми было убито, по подсчетам исследователей, 327 русских. Из них удалось идентифицировать 205 человек, из которых лишь 100 являлись военными²⁵.

Заканчивая обзор, посвященный роли русских сил в финской гражданской войне, нельзя обойти вопрос о моральной и материальной помощи большевистской России финским красным. Туомо Полвинен справедливо отмечает, что присутствие русских войск в Финляндии было важным фактором в глазах большевистской власти вплоть до заключения Брестского мира. Ленин и его соратники предполагали, что русские солдаты, находясь в Финляндии, могли бы оказать помощь финским красным. Тем не менее у большевиков не было уверенности в том, что эти армейские части находятся в боеспособном состоянии и готовы им подчиниться²⁶. При этом большевики всячески подстрекали своих финских единомышленников, а когда те вступили в открытое противостояние с сенатом, поощряли продолжать революцию. СНК приветствовал финских повстанцев уже 29 января, обещая всякую возможную помощь. Шаткая позиция большевиков внутри России не давала им возможности помогать финским красным в таком объеме, на который те рассчитывали, однако они все же оказали массивную помощь оружием, продовольствием и медикаментами²⁷.

Как считает Хейкки Юликангас, участие русских в военных действиях на стороне большевиков было уже в ходе войны сильно преувеличено белыми и использовано ими в пропагандистских целях. «Представление о том, что русских военных следует насильно изгнать из объявившей независимость страны, получило широкую поддержку, — отмечает Юликангас, — война была маркирована прежде всего как освободительная, ведущаяся против русских, хотя никакой войны между странами не было объявлено». Юликангас приводит несколько заявлений белых, в том числе и самого Маннергейма, которые показывают, что, по их мнению, многие из бойцов их армии не были бы готовы сражаться со своими соотечественниками. Маннергейм, в частности, сказал в одном из интервью 1930 года: «Мы бы никогда не смогли привлечь на нашу сторону крестьян, если бы сказали, что сражаемся с красными»²⁸.

В нашу задачу не входит освещение хода военной кампании, отметим лишь, что собственно боевые действия длились всего два из трех с половиной месяцев войны. Особой драматичностью и жестокостью отличалось сражение за красный Тампере, начавшееся с окружения города белыми 15 марта и завершившееся сдачей Тампере красными 6 апреля. В ходе ожесточенных битв погибло около двух тысяч человек (около 800 белых и около 1100 красных, из которых от 100 до 150 человек были застрелены уже после сдачи в плен). Точное число попавших в плен красных до сих пор не подсчитано; по разным источникам эта цифра варьируется от девяти до одиннадцати тысяч²⁹.

В ответ на просьбу председателя финского правительства Пера Свинхувуда Германия уже в феврале приняла решение о военной помощи Финляндии (следует отметить,

²⁴ Venäläissurmat Suomessa vuosina 1914–22. Osa 2.2. Helsinki, Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja, 2004. S. 269.

²⁵ Ibid. S. 115.

²⁶ Tuomo Polvinen. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. I: Helmikuu 1917–toukokuu 1918. Porvoo: WSOY, 1967. S. 196–197.

²⁷ Aatos Tanskanen. S. 32–33, 35–62.

²⁸ Heikki Ylikangas. Suomen historian solmukohdat. S. 213.

²⁹ Tuomas Hoppu. Tampereen valtausoperaatio. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 197.

что главнокомандующий Маннергейм был решительно против обращения к немецкой помощи). Но уже до отправки в Финляндию воинского контингента белые получили из Германии помощь оружием. После заключения Брестского мира 3 марта 1918 года значительный немецкий воинский контингент был высвобожден на Восточном фронте, и часть войск стало возможно отправить в Финляндию. Важнейшей задачей немцев было предотвращение восстановления Восточного фронта Первой мировой войны (к тому времени отряды Антанты уже высадились в Мурманске). 3 апреля в Ханко десантировалась немецкая Балтийская дивизия (Osteedivision) в составе десяти тысяч двухсот сорока солдат и ста пяти офицеров с вооружением³⁰.

Появление немецкой дивизии ускорило, а возможно, и решило исход войны: силы белых получили решающий перевес. Начиная с этого времени красные лишь отступали, хотя сдача почти каждого населенного пункта превращалась в тяжелое сражение. Битва за Хельсинки, длившаяся с 11 по 13 апреля, в которой со стороны белых участвовали немецкие подразделения, не была столь кровопролитной, как бои за Тампере, — число погибших составляло более 400 человек (из них 305 красных, более 60 немцев, 23 шюцкоровца и, как минимум, 20 гражданских лиц)³¹. 29 апреля после жестоких сражений был взят Выборг. 2 мая, когда победа белых была окончательно предрешена, сенат вернулся в Хельсинки. 4 мая у красных были отвоены Котка и Хамина, на следующий день сдался красный гарнизон в Пюхтяя. 14 мая из форта Ино был эвакуирован русский гарнизон. Часть финских революционных командиров и почти весь Совет народных уполномоченных эмигрировали в Россию. Гражданская война закончилась³².

Несмотря на краткосрочность военных действий, число жертв было ошеломляющим. Исследовательский проект «Военные потери Финляндии, 1914–1922», завершившийся в 2003 году, представил точные цифры жертв: всего погибло 36 640 финских граждан. Из них пали на поле боя 9403, были казнены и убиты бессудно или по приговору полевых судов 9720, погибли в лагерях для военнопленных 13 446, погибли после освобождения из лагерей 613, пропали без вести 2193, погибли по другим причинам 1265. Число жертв среди красных более чем в пять раз превышало жертвы белых (27 038 красных и 5179 белых)³³. Война была настоящей трагедией, национальной травмой для всего населения страны, она расколола финское общество. Помимо кровопролитных сражений, война включала в себя террор с обеих сторон, бессудные казни, голодные смерти и бесконечные страдания и унижения тысяч людей. До сих пор многие финские семьи помнят о судьбах своих родных, пострадавших в войне, и эта память является одним из факторов, сохраняющих раскол в обществе.

Раскол, инспирированный войной, проявлялся и проявляется, в частности, в том, что разные группы финского населения употребляли и продолжают употреблять для нее разные названия. Много пишущий о гражданской войне журналист финской государственной телерадиокомпании «Yle»³⁴ Harri Palmolahti одну из своих статей озаглавил следующим образом: «Междоусобная война 1918 года длилась четыре месяца, а баталия вокруг ее названия — сто лет»³⁵. Действительно, до сих пор в Финляндии

³⁰ Marjaliisa Hentilä, Seppo Hentilä. Saksalainen Suomi 1918. Helsinki, Kustannusosakeyhtiö Siltala, 2016. S. 81.

³¹ Tuomas Hoppu. Valkoisten voitto. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 202–207.

³² Ibid. S. 222.

³³ Lars Westerlund. Sotaoiloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti. Valtioneuvoston kanslia, 2004. См. также: <http://vesta.narc.fi/cgi-bin/db2www/sotasurmaetusivu/stat2>.

³⁴ Официальное название — «Yleisradio Oy».

³⁵ Harri Palmolahti. Sisällissota vuonna 1918 kesti neljä kuukautta — taistelu sodan nimestä sata vuotta. — <https://yle.fi/uutiset/3-9997174>.

нет консенсуса по поводу того, как называть войну, а это означает, что разные группы населения по-прежнему по-разному понимают причины противостояния, степень правоты сторон, итоги войны и ее значение для финской истории.

В настоящее время общепринятым на официальном уровне является название «междоусобная (буквальный перевод: внутренняя) война» (*sisällissota*). Именно так именуют войну в школьных учебниках и подавляющем большинстве исторических сочинений. Это название, однако, относительно новое: оно стало употребляться только с 1990-х годов. Но и поныне не все финны готовы называть гражданский конфликт именно так, и в общественном и медиапространстве бытует несколько альтернативных наименований. Так, согласно опросу телерадиокомпания «Yle» от 2018 года, страна разделилась на пять основных групп: 47 % граждан называют войну междоусобной, 23 % гражданской, 10 % освободительной, 5 % употребляют нейтральный термин «события 1918 года» и столько же предпочитают называть войну классовой³⁶.

Сразу после окончания войны и победы в ней белых утвердилось название «освободительная война» (*vapaussota*), которое появилось в словаре белых весной 1918 года³⁷. Смысл этого названия сводится к тому, что Финляндия воевала с Советской Россией за свою независимость, изгоняя из страны русские войска и противодействуя неизбежному вхождению в СССР в случае победы красных. Профессор Охто Маннинен, сторонник концепции «освободительной войны», подчеркивает: если бы красные победили, Финляндия стала бы частью Советского Союза³⁸. Финские красные, таким образом, воспринимались как пособники чужой враждебной силы. Те финны, которые и поныне употребляют это название, считают, что Белая армия освободила Финляндию от России, а красные были предателями, коллаборантами.

Эта концепция имеет как сторонников, так и противников среди финских историков. Помимо упомянутого Охто Маннинена, ее сторонником являлся, например, один из наиболее известных финских историков академик Эйно Ютиккала³⁹. Профессор Сеппо Хентия, один из противников такого толкования, отмечает в интервью, что нельзя говорить о возможном присоединении Финляндии к СССР, так как некорректно в научных исторических исследованиях опираться на предположения о том, как могли бы повернуться события. Философ Яни Хаккарайнен, споря с Охто Манниненом и его единомышленниками, развивает эту аргументацию. Название его блога говорит само за себя: «Как Финляндию сто лет назад освободили от того, чего не существовало». Хаккарайнен отмечает, что во время гражданской войны Финляндия по факту была независимым государством, и ее независимость была подтверждена большевистским правительством. Никакого Советского Союза еще не существовало, он появился только в 1922 году. А в 1918 году положение большевистской власти было крайне ненадежным, и белые с большой долей вероятности могли взять в России верх. «Ситуация станет вполне ясной, — пишет Хаккарайнен, — если мы сравним ее с положением заключенного, которого освобождали бы из тюрьмы еще до того, как он был в нее посажен или даже осужден»⁴⁰.

³⁶ Harri Palmolahti. Vuoden 1918 sota jakaa yhä kansaa, vaikka enemmistö seisoo juoksuhautojen välissä — Ylen kysely kertoo, mitä Suomi ajattelee sisällissodasta. 14.1.2018. <https://yle.fi/uutiset/3-10014896>. На вопросы отвечали 1117 человек в возрастной категории от 18 до 79 лет (<https://www.suomenmaa.fi/stt-paaotsikot/ylen-kysely-sisallissodasta-yli-puolet-ei-asetu-valkoisten-eika-punaisten-kannalle-6.3.329038.56887775e0>).

³⁷ Pertti Naapala. Sota ja sen nimet. — Pertti Naapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 10.

³⁸ Ohto Manninen. Vapaussota. — Historiallinen Aikakauskirja, 1993, № 2. S. 116–120.

³⁹ Eino Jutikkala. Maaliskuun vallankumouksesta 1917 toukokuun paraatiin 1918 — Suomen vapaussota 1918. Kartasto ja tutkimusopas. Toim. Juhana Aunesluoma ja Martti Häikiö. Vapaussodan Invalidien Muistosäätiön julkaisu/WSOY 1995.

⁴⁰ Яни Хаккарайнен ведет постоянный блог в популярной «Вечерней газете» (Iltalehti), в котором постоянно обращается к болезненным темам финской истории и социального бытия. См.: Jani

Современные финские историки Пертти Хаапала и Марко Тикка, оспаривая концепцию «освободительной войны», пишут: «Намерение финских революционеров состояло не в том, чтобы создать Финляндию как советскую республику или сделать ее составной частью ленинской России, а в том, чтобы построить независимое демократическое национальное государство, конституционной моделью которого была Швейцария. Однако их политическим оппонентам казалось очевидным, что Финляндия станет большевистским государством. В действительности прямое участие России в гражданской войне в Финляндии было в лучшем случае незначительным. Русские добровольцы составляли 5–10 процентов активных бойцов, сражавшихся на стороне красных, и многие из захваченных в плен были казнены белыми после окончания гражданской войны. Добровольческая Красная Армия жизненно нуждалась хотя бы в минимальном числе офицеров, а также не могла сражаться без присылаемых Лениным винтовок и пушек. Но большевистская поддержка не пошла дальше этого, и российские войска были фактически выведены из Финляндии в течение гражданской войны»⁴¹.

Термин «освободительная война» бытовал на официальном уровне начиная с 1918 года и до конца 1960-х годов. Неофициально в среде красных и их сторонников использовали другие названия войны — например, «классовая война» (*luokkasota*), смысл которого сводил войну к столкновению классов. Появившееся в среде белых название «мятеж» (*karina*) распространилось и среди красных, так как они считали свое выступление революцией. Красные использовали и собственно название «революция» (*vallankumous*), который и в настоящее время употребляется некоторыми учеными, считающими события 1918 года неудавшейся попыткой восстания⁴². Термин «гражданская война» (*kansalaisota*) начал употребляться обеими сторонами еще в ходе войны, но после войны его в основном использовали социал-демократы как противовес названию «освободительная война»⁴³.

«После войны, — пишет Сеппо Хентия, — раскол общества стал еще более явным, чем до нее»⁴⁴. Победившие в гражданской войне белые на долгие годы получили возможность формировать информационное пространство. Сразу же после окончания войны было издано множество сочинений, пропагандировавших «белую» версию событий, тогда как представления красных транслировались внутри социал-демократического сообщества⁴⁵, а также в сочинениях, выходивших в СССР, которые не влияли ни на историографию, ни на общественное мнение Финляндии⁴⁶. В трудах «белой»

Hakkarainen. Kun Suomi sata vuotta sitten olemattomasta vapautettiin. — <https://blogit.iltalehti.fi/jani-hakkarainen/2018/04/22/kun-suomi-sata-vuotta-sitten-olemattomasta-vapautettiin/>.

⁴¹ Pertti Naapala, Marko Tikka. *Revolution, Civil War, and Terror in Finland in 1918*. — Gerwarth Robert, Horne John. (toim.) *War in Peace. Paramilitary Violence in Europe after the Great War*. Oxford: Oxford UP, 2012. S. 76.

⁴² Например, это название использует британский ученый Энтони Аптон в своем фундаментальном исследовании: Upton, Anthony Frederick. *The Finnish revolution 1917–1918*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1980.

⁴³ Pertti Naapala. *Sota ja sen nimet*. S. 11.

⁴⁴ Осмо Юссила, Сеппо Хентия, Юкка Невакиви. *Политическая история Финляндии, 1809–1995*. М., 1998, С. 129.

⁴⁵ Следует отметить, что версия социал-демократов отличалась от версии финской социалистической рабочей партии (которая была фактически коммунистической). Если первые утверждали, что захват власти красными был ошибкой, но и белые со своей стороны совершали много ошибок, то вторые утверждали, что революция была справедливой, однако красные боролись слишком мягко и непрофессионально. Точку зрения последних выражал, например, Отто Вилле Куусинен: Kuusinen, Otto Wille. *Suomen vallankumouksesta: itsekritiikkiä*. Pietari: Suom. kommunistisen puolueen keskuskomitea, 1918.

⁴⁶ Heikki Ylikangas. *Vuoden 1918 vaikutus historiatieteessä*. — *Vaikea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede*. Toim. Heikki Ylikangas. Helsinki, SKS, 1993. S. 93.

направленности восстание красных однозначно трактовалось как «национальный позор», который если нельзя забыть, то можно представить незначительным эпизодом. Причины восстания не анализировались всерьез — было принято считать, что это большевики подстрекали мирных рабочих или их наиболее примитивную часть. В целом события 1918 года в довоенной историографии трактовались как гораздо бóльшая национальная победа, чем получение независимости в 1917 году⁴⁷. В местах гибели и захоронений белых массово устанавливались памятники, их подвигам посвящали литературные произведения, спектакли и фильмы.

Для красных после окончания войны наступил период, когда их версия войны не фигурировала в публичном поле. «Места памяти» — места расстрелов, битв и захоронений — держались в тайне. Аапо Розелиус отмечает: «Интерпретация белыми конфликта как войны за национальное освобождение, имевшей решающее значение для достижения независимости, не оставляла места для точки зрения красных в „официальной“ истории и эффективно институционализовала противостояние в ходе кризиса 1918 года. Коллективная память и интерпретации красных были вынужденно „заперты“ за закрытыми дверями рабочих залов, профсоюзов и частных домов семей бывших красногвардейцев. Большинство попыток внедрить красный нарратив в сферу общественной памяти подавлялись как властями, так и буржуазным сообществом как попытки подстрекательства к подрывной деятельности»⁴⁸. Хотя память красных запечатлевалась в стихах и песнях, сочиненных в лагерях военнопленных и художественных произведениях, эти коммеморативные памятники бытовали только в их круге⁴⁹. «Молчание» красных в межвоенный период (1918–1938) Maurice Carrez образно называет «долгой ночью побежденных красных»⁵⁰.

У красных и белых были разные клубы, молодежные и спортивные организации, они читали разные газеты, стремились посещать разные места увеселения, магазины, банки и пр. О трагическом расколе общества свидетельствует в своей книге «Приподнимаемая шляпу» известный финский политик (ныне министр иностранных дел) Пекка Хаависто, многие годы занимавшийся миротворческой деятельностью по всему миру. Он рассказывает о том, что род его матери происходит из волости Тейско (Северный Хяме), где были наиболее ожесточенные битвы между белыми и красными. Иногда братья воевали друг против друга. После войны, пишет Хаависто, соседи не разговаривали друг с другом пятьдесят лет⁵¹.

В ходе упомянутого социологического исследования респондентам был задан вопрос «Что вы думаете об утверждениях, касающихся войны 1918 года?» и предложены 18 вариантов ответов. Один из вариантов утверждения звучал так: «Проигравших в войне на десятилетия заставили замолчать». С этим тезисом в большей или меньшей степени согласились 62,8 % отвечавших⁵². И поныне, расспрашивая финнов о судьбах их семей в годы войны, часто получаешь ответ: «Мне ничего не рассказы-

⁴⁷ Ibid. S. 93–94, 97.

⁴⁸ Aapo Roselius. The War of Liberation, the Civil Guards and the Veterans' Union: Public Memory in the Interwar Period. — The Finnish Civil War 1918: History, Memory, Legacy. S. 301.

⁴⁹ Ulla-Maija Peltonen. Sisällissodan muistaminen. — Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. S. 465.

⁵⁰ Maurice Carrez. Sites of the Red Massacres in Finnish Civil War. The Politics of Memory and its Re-Interpretation. — Ei ihan teorian mukaan: kollegakirja Tauno Saarelalle 28. helmikuuta 2012. Toimitaneet Mikko Majander ja Kimmo Rentola. Helsinki, 2012. P. 85–111.

⁵¹ Pekka Haavisto. Hatunnosto. Helsinki, Kirjapaja, 2010, S. 65–66.

⁵² Более точные результаты таковы: «совершенно согласен» — 21,5 %, «частично согласен» — 41,3 %, «ни то, ни другое» — 25 %, «частично не согласен» — 9,1 % и «совершенно не согласен» — 3,1 % (Pilvi Torsti. S. 115).

вали». Десятки подобных ответов приводят в своих публикациях современные финские социологи.

Уже в 1930-е годы предпринимались слабые попытки достигнуть некоторого консенсуса между белой и красной «правдами». Так, в 1933 году Густав Маннергейм в речи на памятном торжестве, посвященном войне, сказал, что не стоит больше спрашивать, кто был на какой стороне в 1918 году⁵³. Однако, как справедливо отмечает Туомас Тепора, историческая версия событий красных и их воспоминания о гражданской войне получили широкое звучание только в 1960-х годах⁵⁴. Тепора выделяет несколько причин начала движения к национальному консенсусу: «Большое влияние на коллективную память о гражданской войне оказала Вторая мировая война. А именно: Вторая мировая война заменила „ошибочный“ миф о формировании нации жизнеспособным, и это уменьшило конфликт между красными и белыми». Тепора подчеркивает и важную роль послевоенного периода, когда активное советское присутствие в финляндском дискурсе повлияло на смещение фокуса памяти: война стала интерпретироваться как классовый конфликт, а не как результат участия в ней России или большевиков, как это воспринималось в межвоенный период⁵⁵.

После окончания «войны-продолжения» во внутренней и внешней политике Финляндии произошли существенные перемены. Произошло резкое полевение политического ландшафта, коммунисты быстро интегрировались в финскую политическую систему. В 1944 году премьер-министром страны стал Юхо Кусти Паасикиви, выдвинувший идею установления добрососедских отношений с СССР. Эта новая политика получила впоследствии название «политическая линия Паасикиви—Кекконена». Несмотря на чередование партий в парламентских коалициях, установка на лояльность восточному соседу оставалась неизменной. Эти изменения создали предпосылки для пересмотра памяти о гражданской войне.

Уже в июне 1947 года парламент высказал пожелание о том, чтобы места захоронения красных были отмечены памятниками, и выделил на это бюджетные средства⁵⁶. Мемориальные места красных начали создаваться также по инициативе активистов и на пожертвования граждан. В период между 1945 и 1958 годами в память о красных жертвах было установлено в общей сложности 117 памятников, и лишь один мемориал памяти белых. Мемориальный бум продолжался до начала 1970-х годов, когда количественное соотношение между памятниками красным и белым почти сравнялось (все же памятники красным были гораздо более скромными, уступая в размерах и торжественности памятникам белым)⁵⁷. В устной истории и публикациях появились рассказы о страданиях красных в концентрационных лагерях, о скрывавшихся прежде местах их расстрелов и захоронений, об издевательствах над родными и детьми красногвардейцев в школах или на рабочих местах. Нарративы «красных» тысячами фиксировались и откладывались в архивных коллекциях.

«Красная» и «белая» правды столкнулись в публичном пространстве, и довоенная парадигма событий была поставлена под сомнение⁵⁸. Этому способствовала и борьба за права жертв со стороны красных на государственную помощь. Уже в 1940-е годы начались выплаты пенсий вдовам красных бойцов и получившим инвалидность красным. Однако борьба созданных левыми партиями ветеранских организаций за выпла-

⁵³ См. Martti Ahti. *Valta ja demokratia — Mannerheim oppositiomiehenä.* — Mannerheim: sotilas ja ihminen. Red. Kari Sollaпää ja Harri Westermarck. Helsinki. Yliopistopaino, 1992. S. 77.

⁵⁴ Tuomas Tepora. *Changing Perceptions of 1918: World War II and the Post-War Rise of the Left.* — *The Finnish Civil War 1918: history, memory, legacy.* P. 364.

⁵⁵ *Ibid.* P. 365.

⁵⁶ Ulla-Maija Peltonen. *Sisällissodan muistaminen.* S. 467.

⁵⁷ Tuomas Tepora. *Changing Perceptions of 1918.* P. 384.

⁵⁸ Ulla-Maija Peltonen. *Sisällissodan muistaminen.* S. 467–468.

ты государственных компенсаций красным военнопленным затянулась на десятилетия, завершившись успехом лишь в 1973 году⁵⁹.

Несмотря на обновлявшиеся тенденции в политике памяти, ни официальное название войны, ни ее смысловая интерпретация принципиально не менялись до 1960-х годов. Содержание школьных учебников также отражало в основном старую историческую парадигму. Как показывают в своем исследовании «Дискурсы междоусобной войны в учебниках в 1960-е и 2000-е годы» Маркус Хааракоски и Микко Сеппянен, тема террора еще в 1960-е годы была раскрыта в учебниках истории весьма односторонне. Хотя в них и рассказывалось о насилии с обеих сторон, насильственные действия со стороны белых обосновывались как имевшие уважительную причину. Насилие со стороны красных характеризовалось как террор, тогда как насилие со стороны белых — как способ защиты и позже — месть, ответ на злодеяния красных⁶⁰.

Только к концу 1960-х годов окончательно сформировалась новая тенденция: реабилитация «красной правды». Именно в этот период представления красных о подоплеке войны, об их героизме и страданиях были окончательно выведены на общественное обозрение и легализованы в ущерб нераздельно господствовавшей до того времени «белой» версии событий. Как отметили Розелиус и Тепора, в 1960-е годы «„белая правда“ начала рассыпаться»⁶¹.

Как это нередко бывает, прорыв был первоначально совершен не в рамках академической науки, а в художественной литературе. В 1959, 1960 и 1962 годах вышли один за другим три тома трилогии известного писателя Вяйне Линна «Здесь, под Полярную звезду», положившей начало пересмотру всей официальной парадигмы гражданской войны. Уже до этого Линна завоевал огромную популярность своим романом 1954 года «Неизвестный солдат» о «войне-продолжении», в котором он показал войну глазами бойцов пулеметной роты⁶². В трилогии «Здесь, под Полярную звезду» писатель продолжил и развил тот же подход: он показал драму финской истории глазами «маленького человека», винтика исторической машины. Первая часть романа вводит читателя в мир финской деревни и показывает социальные конфликты, ставшие, как видно из дальнейшего, одной из причин восстания красных. Особое внимание Линна уделил тяжелому и униженному положению безземельных арендаторов, торппарей (фин. *torpparit*), показывая, что вопрос об их правах и собственности являлся одним из острейших социально-экономических вопросов того времени. И хотя позже историками было доказано, что значение торппарского вопроса для гражданской войны было преувеличено, это не отразилось на том огромном влиянии, которое роман Линны оказал на историческое сознание нескольких поколений финнов. Сочувствие писателя было несомненно на стороне красных (точнее, их социал-демократической компоненты): он стремился выпукло показать мотивацию тех людей, из которых формировались красные отряды, дать представление о социальной несправедливости, обрекавшей их на борьбу.

Роль романа Линны в форматировании финской памяти о войне исключительна. 76 % респондентов из опрошенных в 2008—2011 годах в большей или меньшей сте-

⁵⁹ Tuomas Tepora. *Changing Perceptions of 1918*. S. 385.

⁶⁰ Markus Haarakoski & Mikko Seppänen. *Sisällissodan diskurssit 1960- ja 2000-luvun historian oppikirjoissa*. 2012. S. 35—36.

⁶¹ Tuomas Tepora and Aapo Roselius. Introduction: *The Finnish Civil War, Revolution and Scholarship*. — *The Finnish Civil War 1918: history, memory, legacy*. P. 8—9.

⁶² Роман «Неизвестный солдат» до сих пор пользуется в Финляндии огромной популярностью. Роман трижды экранизировался (в 1955, 1985 и 2017 годах), на его основе поставлено множество спектаклей и опера. Каждый год в День независимости снятый на его основе фильм показывается по телевидению.

пени согласились с тезисом, что роль книги «Здесь, под Полярною звездой» в показе событий 1918 года является очень важной⁶³. Книга дважды экранизировалась (в 1968 и 2009 годах), на ее основе было выпущено несколько спектаклей. В частных беседах автор неоднократно слышал мнения о том, что роман и экранизации романа оказали серьезное воздействие на представления людей о гражданской войне.

Роман Линны инициировал значительный сдвиг в общественном сознании; как отмечает Улла Майя Пелтонен, «плотины памяти были прорваны»⁶⁴. Началась бурная полемика в СМИ, а историки получили стимул к применению новых подходов в исследованиях о гражданской войне. Были опубликованы знаковые исторические труды. Пионерскими стали работы Вильо Расилы, посвященные торппарскому вопросу и в целом социальным причинам гражданской войны⁶⁵. Расила дал скрупулезный анализ того социального противостояния, которое лежало в основе гражданского конфликта. В его работах показано, какие социальные группы тяготели к белым, а какие к красным (на стороне красных сражались промышленные или сельскохозяйственные рабочие, а со стороны белых главным образом крестьяне-собственники). В названиях своих работ Расила одним из первых использовал термин «гражданская война».

Важную роль сыграли также работы Туомо Полвинена, в которых финские события рассматриваются в международном контексте⁶⁶. Однако особенно сильно повлияли на общественное сознание труды Яакко Пааволайнена, одним из первых раскрывшего тему революционного террора⁶⁷. Как утверждает сам исследователь, до него сведения о терроре были неполными, искаженными и односторонними. Пааволайнен пересмотрел сложившуюся в прежних работах тенденцию, при которой в незаконных убийствах обвинялись лишь красные, тогда как белые якобы казнили и наказывали на законном основании. Исследователь показал, что репрессии со стороны белых были не только незаконными (полевые суды не являлись нормальной юридической практикой, а кроме того, многие казни совершались без суда и следствия), но и очень жестокими. Летом 1918 года в лагерях военнопленных содержалось, как минимум, 80 тысяч человек, среди них от четырех до пяти тысяч женщин. На стороне красных не было фактически ни одной семьи, в которой хоть один член не прошел бы через концлагерь, где люди содержались в ужасающих условиях. Пааволайнен подводит читателя к мысли, что миф об особой кровожадности красных не соответствует действительности и что белые, как минимум, не уступали им как в жестокости, так и по числу жертв.

Сказанное помогает понять, с чем связана смена парадигмы в общественном сознании в 1970-е годы. Наследники красных, используя открывшиеся им возможности выхода на публичное поле, осуществили проект «История красной Финляндии», итогом которого стало шеститомное сочинение, опубликованное в первой половине

⁶³ Более точные результаты таковы: «совершенно согласен» — 34,2 %, «частично согласен» — 41,7 %, «ни то, ни другое» — 18,5 %, «частично не согласен» — 3,7 % и «совершенно не согласен» — 1,9% (Pilvi Torsti. S. 115).

⁶⁴ Ulla-Maija Peltonen. Sisällissodan muistaminen. S. 467.

⁶⁵ Rasila, Viljo. Suomen torpparikysymys vuoteen 1909: yhteiskuntahistoriallinen tutkimus. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1961; Ibid. Kansalaissodan sosiaalinen tausta. Helsinki: Tammi, 1968; ibid. Torpparikysymyksen ratkaisuvaihe: Suomen torpparikysymys vuosina 1909–1918: yhteiskunta historiallinen tutkimus. Helsinki: Kirjayhtymä, 1970.

⁶⁶ Tuomo Polvinen. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. I: Helmikuu 1917–toukokuu 1918. Porvoo: WSOY, 1967; ibid. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. II: Toukokuu 1918–joulukuu 1920. Porvoo: WSOY, 1971; Ibid. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1987.

⁶⁷ Paavolainen, Jaakko. Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918. Helsinki, 1966–1967; Ibid. Poliittiset väkivaltaisuuudet Suomessa 1918. I. Punainen terrori. II. Valkoinen terrori. Helsinki, Tammi, 1966–1967; ibid. Vankileirit Suomessa 1918. Helsinki: Tammi, 1971; ibid. Suomalainen kansallinen murhenäytelmä. Punainen ja valkoinen terrori ja vankileirit v. 1918. Helsinki, Tammi, 1974.

1980-х годов⁶⁸. Власть в 1960—1970-е годы подавала сигналы, которые трактовались как призыв к национальному согласию. Например, в 1967 году, в дни празднования 50-летия независимости Финляндии, президент Урхо Кекконен возложил венок на захоронения красных в Хельсинки. В 1978 году он же присутствовал на открытии памятника Военнопленному красногвардейцу в Лахти⁶⁹. Именно в этот период в публичной сфере возобладало название «гражданская война». Например, в 1963 году в гимназической программе вместо термина «освободительная война» был принят термин «гражданская война»⁷⁰.

Начало нового, современного этапа форматирования коллективной памяти о гражданской войне можно отнести к 1990-м годам. Знаковым и даже поворотным явлением стала публикация в 1993 году книги известного историка Хейкки Юликангаса «Дорога на Тампере»⁷¹. Юликангас поставил своей задачей не просто рассказать о причинах и ходе драматического и кровопролитного сражения за Тампере, но и осмыслить войну как общенациональную травму. Он считал, что пришло время подвести наконец черту под событиями 1918 года. «Это станет возможно, — писал исследователь, — только если мы раскроем все те деяния, показа которых до сих пор стремились избегать»⁷².

Работа Юликангаса вызвала огромный общественный резонанс и стала объектом массивной критики со стороны наследников белых. В своем исследовании он, как мы показали ранее, развенчал так называемый «миф освободительной войны», а также на основе широкого архивного материала показал те преступления со стороны белых, которые ранее не были выявлены, в частности массовые расстрелы, проводимые ими после окончания войны. Поспешное и кровавое взятие белыми Тампере могло бы, по мнению Юликангаса, быть менее жестоким, однако Маннергейм спешил показать немцам перед их высадкой в Финляндии, что он в состоянии одержать победу и без их помощи.

Исследование Юликангаса в большой степени посвящено насилию в гражданской войне: грабежам, убийствам, бессудным казням, пыткам, которые практиковали обе стороны. Он отмечает, что на счету белых было больше преступлений против человечности, так как они считали, что сражаются за правое дело, и это как бы оправдывало ту жестокость, с которой они обходились с противником. Красные, по Юликангасу, подспудно понимали, что их восстание — это выступление против законной власти, и поэтому действовали осторожнее и сдержаннее. Интересен и следующий вывод Юликангаса: психологически после окончания войны красные несут на себе меньший груз вины, ибо их действия уже ранее были досконально выявлены и исследованы, и они понесли за них жесткие наказания. Этого нельзя сказать о белых, жестокие деяния которых долго скрывались. «Психологическая ноша войны, — утверждает Юликангас, — взвалена на плечи белой Финляндии. Травма 1918 года — травма белых»⁷³.

Книга Юликангаса стала толчком к серьезной и глубокой проработке войны как национальной травмы — прежде всего на академическом уровне. Укоренилось предложенное Юликангасом название войны — *междоусобная*⁷⁴. Это название стало сейчас

⁶⁸ Punaisen Suomen historia 1–6 — Punakaartin sota 1–2, Vallankumous kunnallishallinnossa, Työväenkaartien synty ja kehitys punakaartiksi 1–2, Kansanvaltuuskunta punaisen Suomen hallituksena. Opetusministeriö Punakaartin Historiakomitea, Valtion Painatuskeskus. 1981–1986.

⁶⁹ Ulla-Maija Peltonen. Sisällissodan muistaminen. S. 469.

⁷⁰ Tuomas Tepora. Changing Perceptions of 1918: World War II and the Post-War Rise of the Left. P. 394.

⁷¹ Heikki Ylikangas. Tie Tampereelle: dokumentoitu kuvaus Tampereen antautumiseen johtaneista sotatapahtumista Suomen sisällissodassa 1918. Porvoo, Helsinki, Juva. WSOY, 1993.

⁷² Ibid. S. 526.

⁷³ Ibid. S. 523–525.

⁷⁴ В интервью от 13 марта 2018 года Юликангас настаивает на введенном им в оборот термине «междоусобная война»: «Когда я ходил в школу, — вспоминает он, — говорили только об освободи-

в Финляндии преобладающим и используется при преподавании истории в школе. Многие ученые проявили глубокий интерес к изучению дотоле неизвестных, «темных» сторон войны, прибегая к новым архивным материалам. Начиная с 1990-х годов в Финляндии опубликованы десятки книг, посвященных тем формам насилия в годы войны, которые доселе освещались недостаточно или скрывались. Появились исследования о лагерях военнопленных, о полевых судах, о бессудных казнях, о красном и белом терроре, об участии в войне различных групп и категорий людей: женщин, детей, русских и шведских военнослужащих, о повседневности войны и так далее⁷⁵. Начали появляться научные исследования, посвященные памяти о войне 1918 года⁷⁶,

Государственным советом Финляндии был инициирован и финансируван продолжавшийся пять лет (1998–2003) уже упоминавшийся здесь научный проект «Военные потери Финляндии, 1914–1922». В итоговом рапорте дается скрупулезная картина всех преступлений против человечности, которые можно было выявить на основе документальных свидетельств, и по возможности произведен подсчет всех жертв⁷⁷. Знаменательно, что отдельным изданием был выпущен трехтомный рапорт о жертвах среди русского населения⁷⁸.

тельной войне. ...В Южной Остроботнии это было так с самого начала, освободительная война обозначает борьбу с чужеземной армией. Однако когда мы смотрим на погибших в войне, то видим: 90 % жертв финны; конечно, это междоусобная война». — <https://yle.fi/aihe/artikkeli/2018/03/13/sisallissota-1918-viiksi-keskustelijoiden-muistoissa-ja-yleison>.

⁷⁵ Вот лишь некоторые из этих сочинений: Kaj Höglund. Ruotsalaiset vapaaehtoiset Suomessa 1918. — Verta hangella. Pohjalainen näkökulma vuosien 1917–1918 tapahtumiin. Vaasa, 1999; Marko Tikka, Antti O. Arponen. Koston kevät: Lappeenrannan teloitukset 1918. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY 1999; Marko Tikka. Kenttäoikeudet: välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 2004; *ibid.* Valkoisen hämärän maa?: suojeluskuntalaiset, virkavalta ja kansa 1918–1921. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 2006; *ibid.* Terrorin aika: Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Helsinki: Ajatus 2006; Aapo Roselius. Amatöörien sota. Rintamataisteluiden henkilötappiot Suomen sisällissodassa 1918. Helsinki, 2006; *ibid.* Teloittajien jäljillä. Valkoisten väkivalta Suomen sisällissodassa. Ruotsi 2007; Tuomas Hoppu. Tampereen taistelun tappiot. — Sotahistoriallinen aikakauskirja, 26, 2007. Jyväskylä, 2007; *ibid.* Sisällissodan naiskaartit: suomalaisnaiset aseissa 1918. [Helsinki]: Gummerus [2017]; Seppo Myllyniemi. Sodan monet kasvot. Sisällissota Hämeessä 1918. Vammala, 2007; Pertti Haapala, Tuomas Hoppu. Sisällissodan pikkujättiläinen. Helsinki, WSOY, 2009; Sisällissota 1918 ja kirkko. Toimittanut Ilkka Huhta. Helsinki, Suomen kirkkohistoriallinen seura, 2009. Heikki Muilu. Venäjän sotilaat valkoisessa Suomessa. Jyväskylä, Atena, 2010; Pertti Haapala, Tuomas Hoppu, Mervi Kaarninen, Anu Planting, Sami Suodenjoki, Marko Tikka. Tampere 1918: a town in the civil war. [Tampere]: Vapriikki 2010; Timo Malmi & Ari Järvelä. Tampere tullessa 1918. Jyväskylä, 2008; *ibid.* Rynnäkkö läpi Tampereen. Kaupunki kiirastullessa 1918. Tampere 2011; Teemu Keskiarja. Viipuri 1918. Helsinki: Siltala, 2013; Lindholm, Sture. Vankileirihelvetti Dragsvik: Tammisaaren joukkokuolema 1918. [Jyväskylä]: Atena, 2017. Näre. Sari. Helsinki veressä: naiset, lapset ja nuoret vuoden 1918 sodassa. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Tammi [2018]; Marjo Liukkonen. Hennalan naismurhat 1918. Tampere: Vastapaino, 2018; Lasse Lehtinen, Risto Volanen. 1918 kuinka vallankumous levisi Suomeen. Helsinki, Otava, 2018; Tuulikki Pekkäläinen, Seppo Rustanius. Punavankileirit 1918: suomalainen murhenäytelmä. Helsinki: Tammi, 2007; Tuulikki Pekkäläinen. Susinartut ja pikku immet: sisällissodan tunte mattomat naiset. Helsinki: Tammi, 2011. *Ibid.* Lapset sodassa 1918. Helsinki: Tammi, 2014.

⁷⁶ Ulla-Maija Peltonen. Vuoden 1918 sodan kauhutarinat. [Helsinki?], [Kansanrunoustieteen laitos?], 1983; *Ibid.* Punakapinan muistot: tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1996; *ibid.* Muistin paikat: vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003; Vaikkea totuus. Vuosi 1918 ja kansallinen tiede. Toim. Heikki Ylikangas. Helsinki, SKS, 1993; Aapo Roselius. Kiista, eheys, unohdus. Vapaussodan muistaminen suojeluskuntien ja veteraaniliikkeen toiminnassa 1918–1944. Helsinki, 2010; *ibid.* Isänmaallinen kevät. Vapaussotamyytin alkulähteillä. Helsinki, Tammi, 2013.

⁷⁷ Sotaoiloissa vuosina 1914–22 surmansa saaneet: tilastoraportti. Ped. Lars Westerlund. [Helsinki], Valtioneuvoston kanslia, 2004.

⁷⁸ Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Suomen sotaurmat 1914–22 — projekti. Osa 1–2. [Helsinki], Valtioneuvoston kanslia, 2004.

На протяжении последних десятилетий в Финляндии ведется значительная работа по «проработке памяти» о гражданской войне. Целью этой работы является достижение наконец общественного согласия, прекращение гражданского противостояния, деления общества на красных и белых. Нельзя не упомянуть в этой связи о таких символических мероприятиях, как День согласия, проведенный в Тампере 6 апреля 2008 года, в день 90-летия окончательной сдачи Тампере красными. В городе, в частности, было организовано костюмированное шествие, в котором «участвовали» исторические персонажи, как белые, так и красные⁷⁹. Выставка на тему национального примирения была создана в соборе Тампере. Однако что характерно, последователи белых проигнорировали эти мероприятия. Именно тогда, когда в городе проходило шествие, призывавшее к национальному примирению, наследники белых посетили места битв и возложили венки в память о Белой армии. В отчете об этом событии говорится: «Нас осталось мало, тех, кто может хранить память об освободительной войне. Организация дня согласия подкрепляет лишь „правду красных“. ...По-прежнему большим позором Тампере является то, что памятник освободителю города, главнокомандующему Густаву Маннергейму забыт в неухоженном лесу»⁸⁰.

Одной из наиболее впечатляющих и удачных репрезентаций на тему войны следует назвать созданную в 2008 году в выставочном центре Тампере «Ваприикки» выставку «Тампере-1918». По словам ее создателей, с которыми автор этой статьи провел интервью, это первая выставка о 1918 годе, в которой в равновесии присутствуют обе противостоявшие стороны. По словам авторов выставки, они стремились показать войну не как героическую повесть, а как повесть о страданиях. Они предложили современному человеку поставить себя в те обстоятельства и ответить на вопрос: как бы ты поступил, какую линию поведения выбрал бы? Им было важно показать также, что многие участники событий принимали решения спонтанно, под влиянием обстоятельств.

Основная концептуальная идея выставки сводится к пониманию войны как общенациональной травмы. Гражданский конфликт показан здесь взвешенно и одновременно очень эмоционально, без перевеса в пользу одной из сторон. Попадая в сравнительно небольшое музейное пространство, посетитель оказывается в центре сражения: мультимедийные и аудиосредства создают эффект присутствия, и вы вовлекаетесь в события столетней давности, становитесь как бы их участником. Звучат речи ораторов и военные команды, звуки пушечных выстрелов, на экранах показывается хроника тех лет, на посетителя смотрят дула винтовок и пулеметов. Выставка поражает обилием подлинных артефактов — от винтовок и обмундирования до листовок и воззваний обеих сторон. Эти материалы собирал сразу после окончания войны директор музея Хяме Габриэл Энгберг на местах боев и в военных складах. Интересно, что сам Энгберг принадлежал к белым, однако считал своим долгом собирать и артефакты, связанные с красными. Последняя часть экспозиции посвящена памяти о гражданской войне — здесь, в частности, звучат монологи разных, сменяющих друг друга людей: потомков белых и красных, очевидцев событий и тех, кто слышал о них от родных⁸¹.

Как видим, в Финляндии проводится большая работа по достижению национального консенсуса в отношении к гражданской войне. Однако шрамы гражданского противостояния все еще заметны. Упомянувшееся социологическое исследование «Историческое сознание в Финляндии», проводившееся в 2008—2011 годах, показывает, что разлом в коллективной памяти финнов сохраняется до сих пор, а недавние исследования и наблюдения свидетельствуют даже о его усилении. При ответе на вопрос, нужно

⁷⁹ <http://tamperelta.blogspot.fi/2008/04/tampereella-tehtiin-sovinto.html>.

⁸⁰ <http://www.jormanmaailma.fi/index.php?juttuId=jutut/webbikolumnit/sovinto.htm&menuId=webbikolumnit>.

⁸¹ Выставка получила высокую оценку — ее отметили почетным отзывом в 2011 году на конкурсе «Европейский музей года».

ли ежегодно в память о событиях 1918 года проводить день национального согласия, мнения разделились. Не согласны с этой идеей 40,6 % отвечавших (из них совершенно не согласны 23 % и частично — 17,6 %). 28,8 % отвечавших не определились, и только 30,5 % в большей или меньшей степени согласны (из них лишь 11,9 % согласны целиком)⁸². Разделились мнения и при ответе на высказывание «Никому не нужно больше просить прощения за события 1918 года»: против целиком или частично 14,5 % отвечающих, не определились 16,5 %, и согласие выразили 68,9 % респондентов⁸³.

Социологические исследования показывают, что со сменой поколений ситуация меняется. В рамках международного исследовательского проекта «Молодежь и история», осуществлявшегося в 1990-е годы и дополненного финскими национальными исследованиями, выяснялись взгляды на историю поколения, родившегося в 1980-е годы⁸⁴. Автор финской части исследования отмечает, что 17–18-летние респонденты, которые являются уже четвертым поколением после гражданской войны, знают о ней в основном из школы. Почти никто из респондентов не слышал чьих-то личных воспоминаний о войне. Лишь в Тюрвья, где произошло серьезное столкновение при прорыве фронта красных в апреле 1918 года, почти половина опрошенных знали о судьбе своих предков. У молодежи в целом интерес к войне исчезающе мал⁸⁵.

Самое значительное размежевание в отношении к гражданской войне проходит по политической линии. Партийная стратификация финского общества соответствует старым линиям раздела, и это хорошо показывают социологические исследования. Такие партии, как левый союз (Vasemmistoliitto), социал-демократы и отчасти зеленые противостоят в своих оценках партии национальной коалиции (Kansallinen Kokoomus), шведской народной партии (Ruotsalainen kansanpuolue), христианским демократам (Kristilliset demokraatit) и истинным финнам (Perussuomalaiset). Если первые, например, не согласны с высказыванием: «Победа красных привела бы к тому, что Финляндия стала бы частью СССР», то вторые согласны с этим тезисом. По многим другим вопросам партийный консенсус более или менее сложился, однако утверждение «В память о событиях 1918 года нужно ежегодно проводить национальный день согласия», которое получило поддержку сторонников левого союза, социал-демократов, христианских демократов и истинных финнов, вызвало несогласие приверженцев других партий⁸⁶.

Казалось бы, снижение интереса молодого поколения к событиям 1918 года должно было бы приводить к постепенному затуханию противоречий и выработке национального консенсуса. Однако в последние годы можно констатировать скорее обратный процесс: общественная дискуссия о войне обостряется. Тиина Киннунен называет новый поворот в политической жизни Финляндии «неопатриотическим поворотом» и связывает его с резкими изменениями внешнеполитической ситуации и внутренней политики.

Исследовательница утверждает, что дискуссия усилилась начиная с 1990-х годов, поскольку после развала Советского Союза в Средней и Восточной Европе начался политический переходный период⁸⁷. Киннунен отметила, что причиной изменений стали потрясения, произошедшие в Советском Союзе⁸⁸. Действительно, после смены пара-

⁸² Pilvi Torsti. Suomalaiset ja historia. S. 115.

⁸³ Ibid. S. 114.

⁸⁴ По итогам проекта издана публикация: Sirkka Ahonen. Historiaton sukupolvi? Historian vastaanotto ja historiallisen identiteetin rakentuminen 1990-luvun nuorison keskuudessa. SHS, Helsinki, 1998.

⁸⁵ Ibid. S. 67–69.

⁸⁶ Pilvi Torsti. Suomalaiset ja historia. S. 116–123.

⁸⁷ Tiina Kinnunen. Sisällissodan muistokulttuuri kylmän sodan jälkeen: uusvanhoja ja uusia tulkintoja. Rikki revitty maa: Suomen sisällissodan kokemukset ja perintö / toimittaneet Tuomas Tepora, Aapo Roselius; suomenkielinen toimitus: Kati Pitkänen. [Helsinki], Gaudeamus, [2018]. S. 337.

⁸⁸ Tiina Kinnunen. The Post-Cold War Memory Culture of the Civil War: Old-New Patterns and New Approaches. — The Finnish Civil War 1918: history, memory, legacy. P. 402.

дигмы в финской политике и отхода от «линии Паасикиви—Кекконена» начался пересмотр финско-советских отношений. Это прежде всего повлияло на возвращение ретроспективного отношения к России как к перманентной угрозе финской независимости. Уже в начале 1990-х годов появились первые сигналы, показывающие тенденцию возвращения в официальный дискурс концепции «освободительной войны». Так, при отмечании 75-летия гражданской войны в 1993 году премьер-министр Эско Ахо (партия Центра) направил благодарность «воинам-освободителям». Он выразил «национальную благодарность освободителям страны (vapausoturit) за их работу». Их воодушевляла «вера в право нации жить в условиях свободы и независимости»⁸⁹.

В 1990-х годах была возобновлена традиция отмечать годовщину парада освободителей, проходившего в Хельсинки 16 мая 1918 года под руководством Маннергейма. В 1993 году в этом торжественном мероприятии, проходившем во Дворце Финляндии, участвовал президент Мауно Койвисто. Его присутствие было знаковым, так как президент принадлежал к социал-демократической партии Финляндии. Так дискурс освободительной войны был поддержан на официальном уровне. Киннунен цитирует выступления ветеранов в медиаресурсах в 1993 году: «Мы освободили Финляндию от русских (gussistä). Мы шли на войну, чтобы освободить Финляндию, а не убивать наших соотечественников», — заявляли они⁹⁰. Важно отметить, что в это же время вновь было легализовано и начало звучать в медиaprостранстве и оскорбительное название русских «gussä»⁹¹.

Возвращение концепции освободительной войны на официальный уровень ярко проявилось в праздновании столетия парада освободителей в 2018 году. Активное участие в организации празднования принял созданный в 1993 году «Союз традиций освободительной войны» (Vapaussodan Perinnehito), состоящий из десятков региональных организаций. Празднество заняло целый день, началось с отдания почестей на могилах воинов-освободителей, шествия кавалерии и резервистов, а также отдания почестей памятнику Маннергейму и завершилось празднованием во Дворце Финляндия⁹². Это торжество можно назвать апологией белой версии событий 1918 года. Уже его название «Столетие освободительной войны» (Vapaussodan 100-vuotisjuhla), так же как трансляция по крупнейшему телевизионному каналу TV1, маркировали это мероприятие как общегосударственное. Председательствовавший и выступавший на торжестве тогдашний министр обороны Юсси Ниинисте (историк по профессии, партия «Синее будущее») сказал в своем выступлении: «Этот день мог бы быть днем независимости вместо дня провозглашения независимости. 6 декабря 1917 года Финляндия не была свободной страной, и в стране не было порядка. Лишь 16 мая 1918 года оккупанты были изгнаны и восстание подавлено». Продолжая рассуждать на тему интерпретаций войны, министр отметил: «Каждое поколение стремится написать историю освободительной войны заново, и у каждого поколения есть своя трактовка войны 1918 года». По мнению Ниинисте, нет сомнений в том, что лишь одна из сторон виновата в случившемся, и это — красные. «И эту вину не отмоют позднейшие страдания восставших». Белый террор, по мнению министра, являлся лишь естественной реакцией на красный террор⁹³.

На торжественном вечере исполнялись патриотические песни и демонстрировался ролик, посвященный памяти егерей, составлявших костяк Белой армии. Почти не

⁸⁹ Vapaussoturi 1/1993, p. 38. Цит. по: Tiina Kinnunen. The Post-Cold War Memory Culture of the Civil War: Old-New Patterns and New Approaches. P. 410.

⁹⁰ Ibid. P. 410.

⁹¹ Ibid.

⁹² <http://reservinsanommat.fi/art/vapaussodan-paattymisen-100-vuotisjuhlallisuudet-16-5/>.

⁹³ http://www.defmin.fi/ajankohtaista/puheet/puolustusministerin_puhe_vapaussodan_100-vuotisjuhlassa.9319.news.

упоминались красные, зато из уст егерей неоднократно звучало вновь получившее гражданство слово «*ryssä*» как обозначение бойцов вражеского лагеря. Праздничные мероприятия, организованные союзами традиций освободительной войны, проходили и в других городах Финляндии.

Торжественное празднование юбилея парада освободителей и прославление «белой» версии войны вызвало негативную реакцию в противоположном лагере. Внимательно наблюдая за дискуссией в фейсбуке, можно было увидеть, что большая группа финских граждан была оскорблена этой манифестацией. Приведем несколько высказываний (они были скопированы автором с именами и фамилиями, но приводятся анонимно).

«Удивлен названием „освободительная война“, ведь Финляндия уже за полгода до этого провозгласила независимость. От чего же Финляндия освободилась? Я удивлен этим праздником и, особенно, его названием. Официально войну называют гражданской или также междуусобной. Это что, провокация со стороны YLE?» — «Мой отец, который был начальником батальона красных, говорил: „восстание“. То есть рабочие и другие плохо обеспеченные были так угнетены, что начали „восстание!“» — «Дёма говорили о восстании. А сегодня мы террористы». — «Да, нынешние правые придерживаются старой фразеологии, и именно Юсси Ниинисте и К⁰ воскрешают толкование истории, присущее IKL и Лапуаскому движению⁹⁴... События 1918 года таким образом решено вновь трактовать исключительно как поход преступных бандитских орд». — «Это праздник крайне правых...» — «Если официальная Финляндия называет междуусобную войну „освободительной войной“, я предлагаю, чтобы мы бойкотировали телевизионную трансляцию этого праздника. Этот праздник не показывает стремления к согласию». — «Не буду смотреть праздник мясников!»⁹⁵ — «Мне очень противно, но я собираюсь смотреть и слушать так долго, как смогу, чтобы понять, как эта страна катится вниз и как правдивую историю переписывают заново. Это вранье и односторонность...» Можно привести еще десятки подобных разгневанных и обижённых реплик⁹⁶. Участники дискуссии приводят рассказы о своих родных, участвовавших в войне в рядах красных, рассуждают об искажении истории и обвиняют белых в предательстве: те призвали немецкие войска, в результате чего страна попала в зависимость от Германии.

Постепенное возрождение парадигмы освободительной войны вновь, как видим, обострило противостояние сторонников красных и белых. Возобновились и споры о том, как следует называть войну. Не успел наступить новый 2018 год, а дискуссия вышла на уровень первых лиц государства. Президент в своей новогодней речи назвал войну междуусобной — и сразу же министр обороны Юсси Ниинисте отреагировал в своем твиттере: «Президент республики сказал также, что есть право на другое мнение. Поэтому и названия освободительная война, мятеж и т. д. — о'кей»⁹⁷. Незамедлительно после этого журналисты обратились с вопросом о том, как следует правильно называть войну, к отвечающему за празднование столетия войны от канцелярии Государственного Совета Пекке Тимонену. Тимонен подтвердил, что канцелярия Государственного Совета употребляет термин «*междуусобная война*», хотя и подчеркнул,

⁹⁴ IKL (Isänmaallinen kansanliike — Патриотическое народное движение) и Лапуаское движение — националистические ультраправые партии, существовавшие в Финляндии в 1929—1932 годах (движение Лапуа) и в 1932—1944-х (IKL).

⁹⁵ Мясниками (*lahtarit*) красные называли после войны 1918 года белых, подчеркивая жестокость белого террора.

⁹⁶ Автор этого текста сознает, что не в традициях научного исследования ссылаться на посты фейсбука. Однако, как нам кажется, реплики различных участников дискуссии могут послужить материалом, показывающим настроения и образ мышления части финского общества. У автора хранятся скопированные им фейсбучные дискуссии с подлинными именами участников.

⁹⁷ <https://www.kainuunsanomat.fi/kainuun-sanomat/kotimaa/puolustusministeri-tarttui-sisallissotatermiin-myos-varpaussota-ja-kapina/>.

что каждый может решить для себя вопрос названия войны сам⁹⁸. Таким образом, в юбилейный год был окончательно и на официальном уровне утвержден плюрализм памяти: высшие официальные лица подтвердили, что имеют право на существование различные названия и, соответственно, версии войны.

Президенты Финляндии за истекшие 25 лет также продемонстрировали различное отношение к памяти о гражданской войне. Мы уже писали о том, что социал-демократ Мауно Койвисто участвовал в проходившем 16 мая 1993 года торжестве в память о параде победы белых. Однако другой президент, тоже представлявший социал-демократическую партию, Тарья Халонен в 2008 году отклонила приглашение на такой же праздник; при этом на нем присутствовал нынешний президент Саули Ниинисте, бывший тогда спикером парламента.

Саули Ниинисте демонстрирует стремление к примирению сторон. Символическим было его присутствие и выступление 5 мая 2018 года на организованном в городе Нивала торжестве, названном «Праздником речи примирения». Предыстория праздника связана с событиями столетней давности: именно здесь, в церкви Нивала (Северная Остроботния), на своей родине, 5 мая 1918 года тогдашний сенатор, а позже президент и премьер-министр Финляндии Кюести Каллио произнес ставшую знаменитой речь о примирении. Это был первый призыв к согласию, прозвучавший с белой стороны еще до официального окончания войны. Каллио, в частности, говорил тогда: «Нам нужно создать такую Финляндию, в которой нет ни красных, ни белых, а только любящие свое отечество финны, граждане Финляндской республики, которые ощущают себя членами общества и чувствуют себя здесь хорошо»⁹⁹.

На торжество в Нивала 5 мая прибыли президент Саули Ниинисте, тогдашний премьер-министр Юха Сипиля (Juha Sipilä) и епископ епархии Оулу Самуэль Салми (Samuel Salmi). В своей речи президент, в частности, сказал: «Крушение общества в междоусобной войне — самое страшное, что может случиться с народом [...] Путь от войны к согласию труден, и он не всегда удается. Требуется мудрость и терпение, желание мириться и ладить. Прежде всего требуется время, и создание с течением времени сильных институций, которые своей деятельностью завоевывают доверие и поддержку граждан. [...] Я понял, что с прошлым нужно идти на мировую. Речь идет о работе, которая, возможно, никогда не кончится и не будет готова. Каждому поколению необходимо заново найти центральные исторические события, и определить для них смыслы, вырастающие отчасти из их собственного времени. Понимание не обязательно означает одобрения. Невозможно одобрить всю вражду и жестокость, которые междоусобная война разожгла в финнах. Но нам нужно стремиться понимать ту ситуацию, в которой началась междоусобная война. [...] Урок 1918 года состоит в том, что самая важная задача для нации — это забота о ее единстве и прочности»¹⁰⁰. Президент и премьер-министр участвовали и в церемонии поминовения погибших в сражениях, проводившейся 20 мая 2018 года на День павших¹⁰¹. В Турку венки были возложены и к памятнику красным жертвам, и к монументу белым¹⁰².

⁹⁸ Anssi Rulamo. Valtioneuvoston kanslia käyttää vuoden 1918 sodasta nimeä sisällissota — «laajasti käytössä tutkijapiireissä» — <https://www.ksml.fi/kotimaa/Valtioneuvoston-kanslia-k%C3%A4ytt%C3%A4vuoden-1918-sodasta-nime%C3%A4-sis%C3%A4llissota-%E2%80%93-laajasti-k%C3%A4yt%C3%B6ss%C3%A4-tutkijapiireiss%C3%A4/1090216>.

⁹⁹ Kari Hokkanen. *Kyösti Kallio. 1: 1873—1929*. Porvoo; Helsinki; Juva, WSOY, 1986. S. 284—285.

¹⁰⁰ Tasavallan presidentti Sauli Niinistön puhe Sovinnonpuheen juhlassa Nivalassa 5.5.2018 - <http://www.tpk.fi/public/default.aspx?contentid=374802&nodeid=44810&contentlan=1&culture=fi-FI>.

¹⁰¹ День павших — национальный праздник в Финляндии, проводящийся 20 июня. Связан с поминовением всех погибших в сражениях.

¹⁰² Presidentti Sauli Niinistö sisällissodan muistojuhlassa: On hyvä muistaa, että siitä selvittiin. Kaatuneiden muistopäivänä on haluttu muistaa etenkin sisällissodan uhreja. — <https://yle.fi/uutiset/3-10214444>.

Как видим, в речах президента Финляндии рефреном звучит мысль о том, что национальное согласие в стране не достигнуто и путь к нему еще долг. Действительно, в стране по-прежнему сосуществуют протвостоящие друг другу пространства памяти о гражданской войне. В Финляндии существуют различные общества, объединяющие последователей белых, которые ведут активную просветительскую и пропагандистскую работу (одно из них, наиболее многочисленное, называется «Союз традиций освободительной войны» (Vapaussodan Perinneliitto), имеющий 32 отделения по всей стране и 4 фонда. У этих организаций есть свои издания и сайты (например, газета «Воин-освободитель» — «Vapaussoturi») ¹⁰³. У сторонников красных есть свои организации (например, «Организация традиций гвардии порядка финских трудящихся») ¹⁰⁴, свои места памяти, и они посещают свои памятные мероприятия. Составляются базы данных о захоронениях отдельно красных и отдельно белых. Хотя сторонники этих противоположных дискурсов, как правило, не соприкасаются друг с другом, время от времени происходят столкновения.

Тиина Киннунен описывает один из таких конфликтов, который разразился в 2008 году в связи с появлением на телевидении короткометражного мультфильма «Бабочка с Урала» (Uralinperhonen) режиссера Катарины Лиллквист. Идея автора заключалась в критическом показе Маннергейма, в противовес его прославлению в качестве национального героя. Лиллквист хотела напомнить, опираясь на фольклор, распространенный среди рабочих Тампере, насколько неоднозначной фигурой является на самом деле Маннергейм для тех финнов, которые не согласились с ценностями и памятью белой Финляндии. Фильм спровоцировал бурную дискуссию; критики обвиняли режиссера, среди прочего, в том, что она проецирует свои травмы, связанные с 1918 годом, на Маннергейма ¹⁰⁵.

Другой из таких конфликтов разразился в апреле 2017 года, когда монетный двор опубликовал эскизы подготовленной к чеканке серии из пяти монет, посвященных столетнему юбилею Финляндии. Каждая монета была посвящена знаменательному периоду финской истории. Внимание граждан привлек эскиз монеты достоинством в 5 евро, посвященной гражданской войне: на нем был изображен расстрел группы людей. Этот эскиз буквально взорвал медиасферу и Интернет: основанием для изображения стала известная фотография, запечатлевшая расстрел красногвардейцев в Таммисаари ¹⁰⁶. Как выразился специалист по истории гражданской войны Туомас Хоппу, «выбор изображения вновь открыл старые раны» ¹⁰⁷. У сторонников «красной» исторической парадигмы он вызвал глубокое возмущение, и в Интернете началась ожесточенная критика: «Эта белая Финляндия больна!», «Именно это делали лахтари, и их наследники делают то же в наше время политическими средствами». Блогер и журналист «Финского иллюстрированного журнала» Сами Куусела назвал эскиз монеты «WTF-моментом» дня ¹⁰⁸. Наследники белой версии войны тоже выразили недовольство, так как, с их точки зрения, изображение подменило героике войны изображением ее жестокостей. В итоге тогдашний министр финансов Петтери Орпо отозвал эскиз, охарактеризовав его как «безвкусный», и принес свои извинения ¹⁰⁹.

Столетие гражданской войны ознаменовалось в Финляндии большим количеством открытых дискуссий: на разных площадках выступали и спорили ученые, журналисты,

¹⁰³ <http://vapaussota.com/>; <http://www.perinneliitto.fi/>; <http://www.vapaussoturi.fi/>.

¹⁰⁴ Suomen työväen Järjestyskaartin Perinneyhdistys: <https://www.facebook.com/luokkasota/>.

¹⁰⁵ Tiina Kinnunen. The Post-Cold War Memory Culture. P. 419.

¹⁰⁶ <https://www.kansan uutiset.fi/artikkeli/3709864-orpo-paheksuu-itse-hyvaksyymaansa-juhlarahaa>.

¹⁰⁷ <http://yle.fi/uutiset/3-9581105>.

¹⁰⁸ Sami Kuusela. Päivän WTF-hetki: Punavankien teloitus juhlarahassa. — <https://suomenkuvalehti.fi/hupparihorho/paivan-wtf-hetki-punavankien-teloitus-juhlarahassa/>.

¹⁰⁹ <http://yle.fi/uutiset/3-9581187>.

политики, деятели культуры и обычные граждане. В этих дискуссиях вновь и вновь звучали старые и новые аргументы в пользу различных версий памяти. Залы были переполнены, и многие из этих мероприятий транслировались по телевидению или в Интернете. 16 мая в Хельсинки, в Доме прессы (Sanomatalo) прошла серия дискуссий, организованных газетой «Вечерние известия» (Ilta-Sanomat). Мероприятие было названо «От войны к согласию»¹¹⁰. Обсуждались различные сюжеты: фигура Маннергейма как главнокомандующего, экономические и политические предпосылки и последствия войны, лагеря военнопленных и полевые суды, судьбы эмигрировавших в СССР красных финнов и многое другое. В заключительной беседе приняли участие писатель, социолог и культуролог Яри Эрнруут и историк, колумнист, эссеист и политик Юкка Реландер. Темой их панели была память о гражданской войне.

Диалог Эрнруута и Реландера ярко продемонстрировал сосуществование в стране разных парадигм памяти и, более того, разное понимание того, следует ли считать своей целью достижение общегражданского консенсуса. Эрнруут, известный своими правыми взглядами¹¹¹, воспроизвел в своем выступлении всю классическую «белую» парадигму: красные были преступниками, устроившими восстание против законной власти и предавшими родину. Их реабилитация, начавшаяся с 1960-х годов, имела своей целью поставить красных и белых на одну доску; красные должны были выглядеть жертвой и моральными победителями. Эрнруут твердо настаивает на необходимости сохранять плюрализм в подходе к исторической памяти: нельзя принуждать всех использовать одно название для войны 1918 года, иначе говоря, у людей должно быть право на свою историческую версию событий. Эрнруут требует от нынешней социал-демократической партии покаяния и отмежевания от вооруженного восстания 1918 года: они не должны использовать то же название и наследие тех социал-демократов.

Реландер, принадлежащий к партии зеленых¹¹², придерживается преобладающей ныне концепции, в соответствии с которой события 1918 года — это общая трагедия. Он говорит: «Я не вижу здесь ни героев, ни виноватых, но только трагедию, в которой не было победителей». На вопрос, романтизируется ли в настоящее время какая-то из сторон конфликта, он отвечает: у нас две романтизированные и две демонизированные картины. Красные совершили преступление в начале войны, а белые большую часть преступлений в ее конце... И это тоже открытая рана, так как ее никогда как следует не осмыслили. Реландер предлагает больше говорить об ошибках со «своей» стороны. Его семья имеет «белые» корни, и, по его словам, он предпочитает говорить об ошибках белых.

В Финляндии есть, конечно, и достаточное число сторонников «красной» версии памяти о войне. В упоминавшемся уже опросе «Yle» был задан вопрос: какая из противоборствовавших сторон была более права? Из всех отвечавших 33 % сочли, что правы были белые, 17 % — что красные, и 31 % отвечавших — что правы были обе стороны. Не смогли определиться 20 % респондентов¹¹³.

¹¹⁰ IS:n 1918 — sodasta sovintoon-historiatapahtuma saavutti suuren suosion — <https://www.is.fi/kotimaa/art-2000005676223.html>.

¹¹¹ Время от времени появляются публикации Эрнруута о конце государства всеобщего благосостояния и необходимости отхода от социальной политики, вызывающие ожесточенные дискуссии в финском обществе. См., например: <https://yle.fi/uutiset/3-10244313>, то же по-русски: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/mnenie_gosudarstvu_vsyeobshchego_blagodenstviya_prishel_konet/10267251.

¹¹² Юкка Реландер в 2013–2017 годах являлся депутатом от партии зеленых в Хельсинкском городском совете.

¹¹³ <https://yle.fi/uutiset/3-10014896>. Интересно, что среди представителей молодого поколения (от 18 до 24 лет) лишь 7 % отвечавших сочли, что правы были красные, зато неопределившихся оказалось 30 %.

В Тампере, где сильны традиции красных, постоянной обструкции подвергается памятник Маннергейму, возглавлявшему захват города. До Второй мировой войны его планировали установить в центре города, однако из-за массивированного противодействия левых он был поставлен в восьми километрах от центра, в районе Лейнола. Но и на этом месте он неоднократно подвергался актам вандализма и уже пять раз был облит краской. В декабре 2004 года, когда Маннергейм стал победителем конкурса «Yle» «Великие финны», его залили красной краской и на постаменте написали «Мясник» (Lahtari): это прозвище после войны утвердилось за Маннергеймом в кругах красных. Подобные же акты повторялись в 2012 и 2013 годах¹¹⁴.

Одним из наиболее выразительных художественных воплощений «красной» правды стал вышедший в 2008 году роман Аннели Канто «Кровавые розы», в котором нашел выражение усиливающийся в последние годы интерес к истории женщин на войне. В романе рассказывается о молодых женщинах-работницах с бумажной фабрики Валкеакоски, которые после начала восстания вступили в женскую гвардию, и об их трагической судьбе после поражения красных. В 2018 году в хельсинкском театре КОМ (как видно уже из названия, основатели театра находились на коммунистических позициях) на основе романа Канто был поставлен спектакль, ставший ярким событием юбилейного года. Зритель сопереживает тяжелой жизни юных работниц, заполненной изнурительным трудом и унижениями: становится ясной мотивация женщин, вступивших в ряды красных. При этом Канто и авторы спектакля настаивают на том, что большая часть участниц событий была лишь случайно затянута в жернова истории (эта мысль все чаще звучит в публицистике и литературе, как научной, так и художественной). Ярко показано также и преобразование женщин, вступивших в гвардию и ощутивших себя полноправными творцами истории. В романе и спектакле присутствуют и тяжелые сцены взаимного ожесточения, демонстрирующие природу как красного, так и белого террора. Самая трагическая, последняя часть романа и спектакля показывает невероятные страдания, доставшиеся на долю красных после поражения в войне: мучения, насилие и бессудные казни.

Роман Аннели Канто не первое художественное произведение, в центре которого лежит идея об антигуманной природе гражданской войны, независимо от того, о какой стороне идет речь. Эта тенденция все ярче проявляется в финской публицистике, художественной литературе, драматургии, кино. Так, знаковым стал роман Леены Ландер «Приказ» (Käsky), посвященный встрече и взаимоотношениям молодого бойца-егеря, примкнувшего к белым, и военнопленной женщины, бойца Красной гвардии, которую он должен, но отказывается расстрелять без суда и следствия¹¹⁵. На основе этого романа в 2008 году был снят одноименный фильм. В общественной мысли Финляндии все больше распространяется идея о трагичности и бесчеловечности гражданского конфликта, о необходимости отказа от взаимных обвинений и обязательности признания того, что участники событий являются не злонамеренными актерами, а жертвами трагических обстоятельств, затянутыми в водоворот истории против своей воли. Именно такое понимание войны представляется многим финнам основой для новых попыток поиска национального консенсуса.

Поиск общественного консенсуса продолжается. В отношении к памяти о гражданской войне все чаще применяется принятая в психологии методика лечения психологических и эмоциональных травм, а именно — проработка травматичных воспоминаний и чувств. Весь травматический опыт войны, все совершенные преступления против человечности предполагается выявить и предать максимальной огласке. Именно с этой целью в Финляндии все больше пишут и говорят о судьбах и страданиях от-

¹¹⁴ <http://yle.fi/uutiset/3-5194669>; <http://www.aamulehti.fi/juttuarkisto/?cid=1194855619065>.

¹¹⁵ Leena Lander. Käsky. Helsinki: WSOY, 2003.

дельных людей, не углубляясь в политическую подоплеку событий. Это и многочисленные научные работы, о которых мы уже упоминали, и публикации в медиаресурсах, посвященные отдельным человеческим историям и самым травматичным сюжетам, связанным с войной.

Одним из последних исследований такого рода стала диссертация Марьо Лиукконен о судьбе и казнях женщин в одном из самых больших лагерей военнопленных в Хеннала. Из 13 000 заключенных 2000 были женщинами. Лиукконен обнаружила, что прежние цифры погибших были занижены и что вопреки прежним утверждениям в лагере содержались и гражданские, и женщины с детьми. Книга Лиукконен вызвала огромный резонанс и критику, в том числе и со стороны историков, ставящих под сомнение приведенные в работе цифры¹¹⁶. В 2018 году в ежемесячном приложении к крупнейшей финской газете «Helsingin sanomat» («Хельсинкские новости») было опубликовано документальное эссе «Остров смерти», в котором на основании архивных материалов рассказывается о страшном лагере на территории крепости Суоменлинна, где в тяжелейших условиях содержались красные военнопленные (здесь от болезней и голода скончалось в целом более 1550 заключенных)¹¹⁷. В этом же журнальном приложении появилась статья о самом популярном президенте Финляндии Урхо Калева Кекконене¹¹⁸, который в молодости в рядах белых участвовал в расстреле предполагаемых красных в Хамине¹¹⁹. В статье подробно рассказывается об одной из жертв этого расстрела и судьбе его семьи¹²⁰. Подобные публикации появляются в финской прессе регулярно.

Финляндия нащупывает пути к национальному примирению. Как мы постарались показать, в стране проделана гигантская работа по осмыслению событий войны и проработке психологической травмы. Однако Финляндия по-прежнему разделена, и, как правило, раздел между сторонниками красных и белых проходит по линии политической стратификации¹²¹. И хотя с течением времени взаимное ожесточение снижается, в коллективной исторической памяти по-прежнему сосуществует, используя выражение Пертти Хаапала, «много правд». Хаапала призывает не считать ни одну из этих «правд» ложной: каждая из них отражает отдельный трагический опыт, прожитый участниками событий. «У нас есть красные и белые герои, — пишет Хаапала, — и красные и белые жертвы. Они не станут другими, хотя бы и поменялись толкования причин войны»¹²². Возможно, именно на этом пути, на пути признания плюрализма памяти, и сможет Финляндия достичь национального примирения.

¹¹⁶ Marjo Liukkonen. О диссертации на русском: <http://historyfoundation.ru/2018/03/19/hennala/>.

¹¹⁷ Anu Nousiainen. Kuoleman saari. — HS Kuukausiliite, No 555, kesäkuu 2018, S. 52–61.

¹¹⁸ По результатам опроса газеты «Ilta-Sanomat» в декабре 2017 года Кекконен был признан лучшим в истории президентом Финляндии. См.: IS:n lukijat valitsivat: Kekkonen on Suomen paras presidentti! — <https://www.is.fi/presidentinvaalit2018/art-2000005485969.html>.

¹¹⁹ Об участии Кекконена в расстреле (он подавал команду расстрельной группе) страна узнала только в 1981 году, когда были изданы его воспоминания. Кекконен, начинавший как молодой шюц-коровец, в течение жизни прошел серьезную эволюцию в сторону понимания красной стороны.

¹²⁰ Sami Sillanpää. Kekkosen uhri. — HS Kuukausiliite, No 554, toukokuu 2018, S. 44–48.

¹²¹ Harri Palmolahti. Vuoden 1918 sota jakaa yhä kansaa.

¹²² Pertti Haapala. Monta totuutta. S. 287.